

***Идеологическое
отступление и
кризис КПСС***

Социальный и экономический кризис конца 1980-х гг. в СССР, а также кризис в национальных отношениях были тесно связаны с кризисом самой партии и ее идеологическим отступлением. Партия не смогла найти адекватный ответ на многообразные вызовы времени, она не смогла перестроить свои ряды и модернизировать свою идеологию, политику и структуру. Это и привело ее к потере влияния, а затем и власти.

Уже в 60 – 70-е гг. КПСС как политическая и идеологическая организация находилась в состоянии глухой обороны, избегая любых нововведений, в том числе и в своей экономической политике. Эта оборона сменилась отступлением, которое происходило все более неорганизованно и поспешно, а затем перешло в распад и разрушение, которые происходили очень быстро и сразу на многих направлениях.

При этом не было почти никакого сопротивления ни со стороны руководства КПСС, ни со стороны партийного актива, ни со стороны идеологических служб партии. Это был хаотический и почти стихийный процесс, лишенный ясной логики. Мало что понимали и те, кто отступал, и те, кто наступал.

Это было начало всего того, что мы называем теперь «смутным временем», хотя тогда в середине 80-х гг. многие из нас говорили о нем как о «перестройке».

Бесчисленное количество документов, заявлений, резолюций, критических публикаций 1987 – 1991 гг., которые хранятся в моем архиве, мало что могут прояснить в событиях тех критических лет, так как процессы в реальной действительности мало соответствовали всему тому, что публиковалось в газетах и журналах. Приходится поэтому в большей мере руководствоваться собственными наблюдениями и впечатлениями.

Еще весной 1988 г. я получил возможность сотрудничать со многими газетами и журналами в Москве, в провинции и в союзных республиках СССР. Политика «гласности» набирала обороты, и она была направлена главным образом на критику режима и преступлений сталинизма.

Я выступал с лекциями и докладами во многих институтах, в военных академиях, на предприятиях, в школах, издательствах и в некоторых союзных министерствах. Стирались «белые пятна» в истории СССР и КПСС, и интерес к правдивой и неискаженной истории был огромен. Однако уже тогда критика недостатков, ошибок и преступлений прошлого нередко перерастала в критику всего советского прошлого и всей политики СССР и КПСС – во все периоды их истории.

Весной 1989 г. я был избран народным депутатом СССР, а затем и депутатом Верховного Совета СССР от Ворошиловского избирательного округа г. Москвы. Избирательная кампания была необычной и очень поучительной. Почти сразу же после этих выборов я был восстановлен в рядах КПСС, из которой меня исключили еще в 1969 г. как автора книги «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма».

Летом 1990 г. на XXVIII съезде партии я был избран членом ЦК КПСС, пополнив состав Идеологической комиссии ЦК. В течение двух лет я активно сотрудничал со всеми главными газетами и журналами КПСС, выступал на партийных собраниях, совещаниях секретарей первичных организаций, на партийных активах в Москве и в провинции, в министерствах и ведомствах, включая Управление внешней разведки в Ясенево.

В 1990 – 1991 гг. я получал много писем от членов КПСС как с выражением поддержки, так и явного неодобрения. Я участвовал в работе Идеологического аппарата и пленумов ЦК КПСС, беседовал с многими видными членами партийного руководства. И мог, таким образом, наблюдать за жизнью КПСС не со стороны. Это было время глубокого кризиса партии, ее явного идеологического отступления.

Однако никто из лидеров партии не понимал остроты кризиса и не имел ясного плана по его преодолению. Концепция «нового мышления» была провозглашена, однако никакого «нового мышления» не появилось. Мы слышали только общие декларации и сентенции: «так жить нельзя» или «давайте жить дружно, помогая друг другу». Не было ни ясной политической цели, ни твердой политической воли. Позднее один из ближайших соратников М. Горбачева, Анатолий Лукьянов, писал: «...70 лет монополии на власть и на идеологию отучили партию и ее актив на местах и в центре вести серьезную политическую борьбу.

Партийные идеологи зачастую пасовали перед беспардонным натиском младших и старших научных сотрудников. И это несмотря на то, что за плечами атакующих не было ни понимания нашей истории, ни соприкосновения с народными нуждами, ни подлинного знания капиталистической действительности, воспринимаемой ими лишь по ярким витринам магазинов да туристическим впечатлениям.

Таким образом, налицо была не стратегическая, выверенная и взятая на вооружение всей партией программа перестройки, а дилетантские шатания. Причем они сопровождались настоящей эрозией, размыванием социалистических устоев. Этот губительный процесс, естественно, встречал сопротивление – и в партийных организациях и в ЦК КПСС»

В этой констатации есть доля истины, но доля не слишком большая. Почему вдруг восстали против партийных идеологов «младшие и старшие научные сотрудники», которые в своем большинстве были также членами КПСС и потратили много времени и сил на изучение марксизма-ленинизма? Почему именно эти люди получили массовую поддержку, в том числе и в рядах КПСС, а также на выборах? В чем состояло сопротивление со стороны руководства ЦК КПСС «процессам эрозии социализма»? Эту эрозию мы все видели, но никакого серьезного сопротивления ей не было видно.

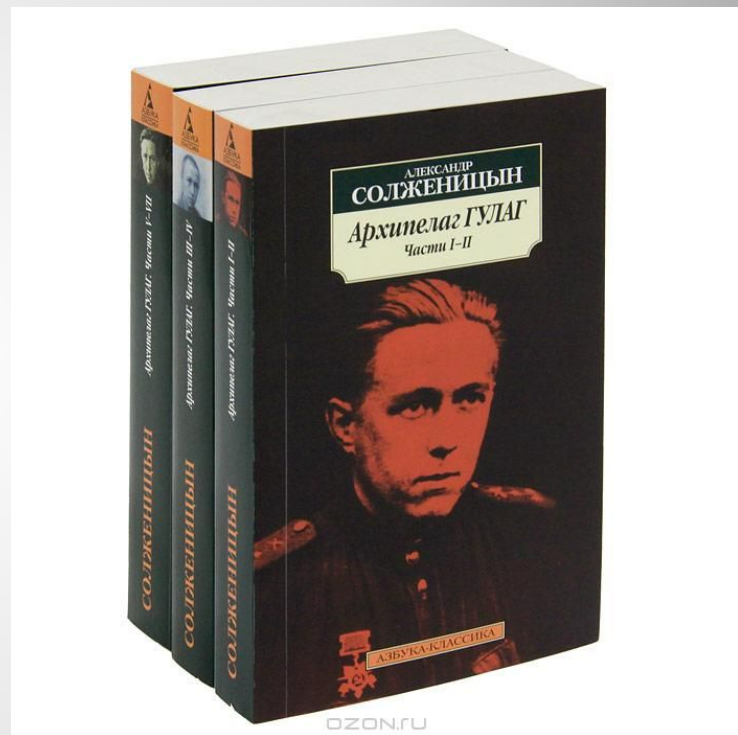
«Дилетантские шатания»

демонстрировали нам не какие-то анонимные «партийные идеологи», а все главные фигуры в руководстве ЦК КПСС. Нельзя согласиться и с фразой о «беспардонном натиске младших и старших научных сотрудников». В идеологических нападениях на партию, на ее идеологию и историю принимали участие видные ученые, популярные публицисты, известные писатели и даже такие крупные политики, как Борис Ельцин. В рядах критиков КПСС можно было видеть как недавних диссидентов, так и недавних работников идеологического аппарата ЦК КПСС. А самое главное – их критика в очень многих случаях была совершенно справедливой и убедительной и отвечать на нее было просто нечем.

Критика в адрес ЦК КПСС и в адрес партийной идеологии нарастала как снежный ком, и отвечать на нее было нечем. Журналы «Коммунист» или «Партийная жизнь» не могли противостоять журналам «Огонек» или «Новый мир», газеты «Правда» и «Советская Россия» не могли конкурировать с «Комсомольской правдой» или «Литературной газетой». Идеологические процессы в обществе вышли из-под контроля партийных лидеров, а к открытой борьбе с оппонентами КПСС была не готова. Да и что можно было ответить тем, кто сообщал публике неизвестные ранее факты о фальсифицированных судебных процессах 1936 – 1938 гг., о расстреле 22 тысяч польских офицеров и военнопленных в 1940 г. или о физическом уничтожении почти всех членов Антифашистского комитета советских евреев в 1952 г.?! Мы узнавали страшные подробности голода на Украине и на Кубани в 1933 г., уничтожения части донского казачества в 1919 г., подавления крестьянских восстаний и восстания в Кронштадте в 1921 г.

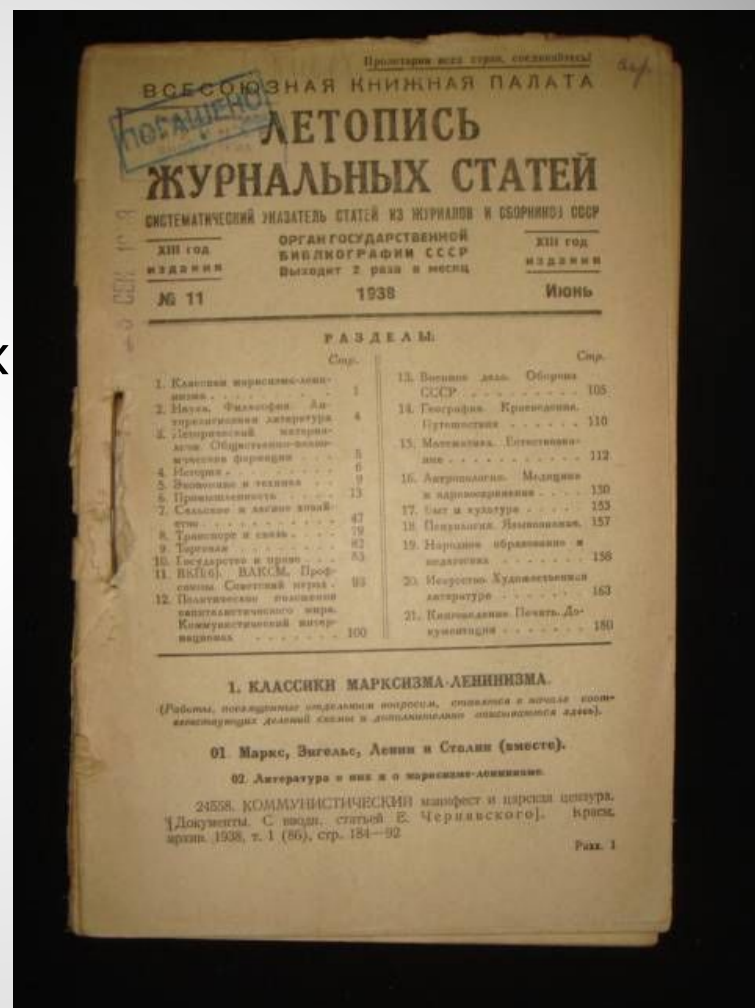
Осмыслить и оценить огромный объем обрушившейся на наше сознание негативной информации было просто невозможно. Воздвигавшиеся десятилетиями идеологические плотины были прорваны, и остановить мощные потоки критики никто не мог. Нет ничего удивительного в том, что все увеличивающаяся критика сталинизма или эпохи «застоя» стала быстро перерастать в критику политической практики и взглядов Ленина и большевиков в целом. Еще осенью 1989 г. журнал «Новый мир», тираж которого приближался тогда к двум миллионам экземпляров, начал публикацию знаменитой книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Самое резкое осуждение всех страшных форм террора и репрессий 30 – 40-х гг. автор адресовал не Сталину, который «точно шел стопой в указанную стопу» и который казался Солженицыну «лишь слепой и поверхностной исполнительной силой», а Ленину и всей партии большевиков. Но критика Ленина и ленинизма шла также и почти во всех других массовых изданиях параллельно и независимо от Солженицына.

Общие масштабы критики Ленина и большевиков оказались не только очень значительными, но и неожиданными для КПСС и ее идеологов. В 1990 г. еще проводился учет статей и других материалов, опубликованных в основных газетах и журналах, включая главные республиканские и региональные органы печати. На основании этого учета составлялись летописи журнальных и газетных статей.

По данным этих летописей, в 1990 г. было опубликовано около 10 тысяч статей и материалов с критикой Ленина и ленинизма. По данным Госкомстата, только за первую половину следующего, 1991 г. в СССР было опубликовано не менее 17 тысяч материалов, обвиняющих Ленина в широком спектре политических и уголовных преступлений – от измены Родине до распространения венерических заболеваний»

В дальнейшем подобный учет стал невозможен, но можно с уверенностью сказать, что число подобного рода материалов лишь возросло, так как именно в 1991 и в 1992 гг. повсеместно началось издание большого числа новых журналов и газет, которые с самого начала заявляли о своей антикоммунистической позиции.

В критике Ленина и большевиков было много справедливого. Но удивляло и обилие крайне тенденциозных и лживых материалов, а также предельная ярость многих авторов. Публика готова была поверить в любую клевету о Ленине. Многие из авторов снова начали утверждать, что Ленин был немецким или британским шпионом, что он, конечно же, получил от Генерального штаба кайзеровской Германии 50 миллионов золотых рублей на организацию революции в России.

По утверждению некоторых авторов, даже покушение эсерки Фани Каплан на Ленина в 1918 г., послужившее поводом для объявления большевиками «красного террора», было сознательной и даже не слишком хорошо организованной инсценировкой. Со страниц разных газет неслись требования убрать имя Ленина из названия городов СССР, из названий улиц и площадей, снести памятники Ленину и ликвидировать в Москве Мавзолей В.И. Ленина, захоронив тело Ленина на Волковом кладбище в Ленинграде рядом с могилой его матери.

Одним из первых поручений, которое мне пришлось выполнять как члену ЦК КПСС, был анализ и обобщение многочисленных писем и резолюций с протестами против демонтажа памятников Ленину, а также переименования улиц, площадей, предприятий и городов, которые носили имя Ленина. Эти письма и резолюции шли со всей страны, но особенно много их было из Прибалтики и Западной Украины.

В Москве и в некоторых других городах эта волна антиленинских и антисоветских публикаций встречала все же некоторое сопротивление. В столице был закрыт Музей Ленина, но продолжал работать и принимать посетителей Мавзолей В.И. Ленина. Был в 1991 г. снесен памятник Феликсу Дзержинскому, но остались на своих местах все памятники Ленину, включая и памятник на Октябрьской площади. Сохранили свои названия Ленинский и Ленинградский проспекты, Ленинградское шоссе, главную библиотеку страны все продолжали называть «Ленинка». На референдуме в Ленинграде небольшим большинством голосов было принято решение вернуть этому городу название Санкт-Петербург.

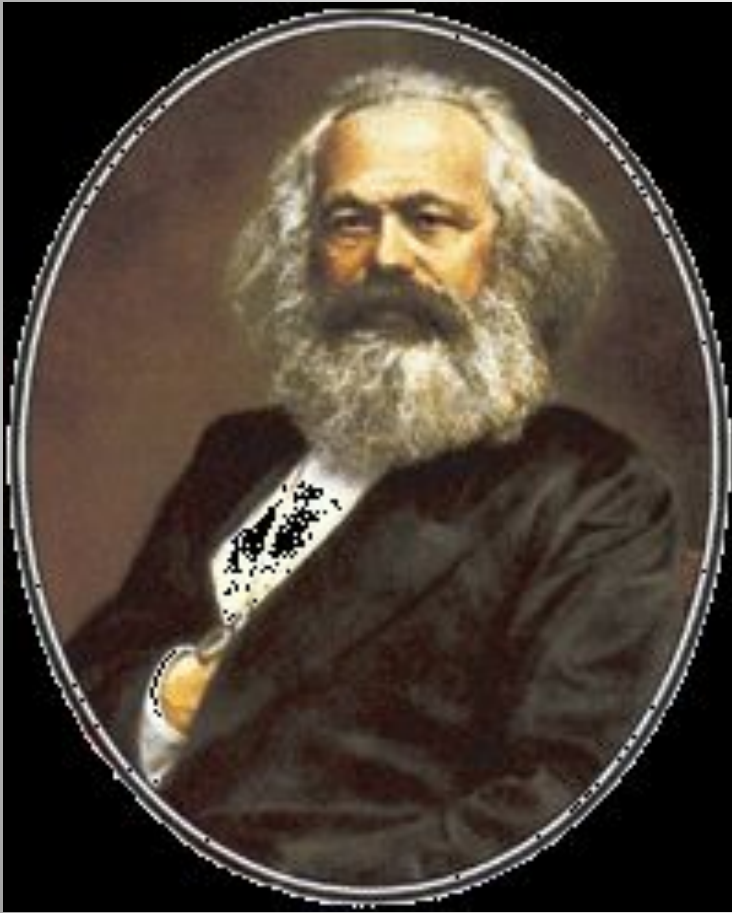

Однако мэру Санкт-Петербурга Анатолию Собчаку не удалось провести решение о сносе многочисленных памятников Ленину, которых в этом городе имелось около 200. Население Ленинградской области не захотело следовать примеру Ленинграда, и область сохранила прежнее название. То же самое произошло и в Свердловской области, где только главный город области вернул себе прежнее наименование – Екатеринбург. Не пожелали менять свое название ни Ульяновская область, ни город Ульяновск. На карте России сохранились города Ленинск, Лениногорск, Калининград, Дзержинск, Киров и некоторые другие.

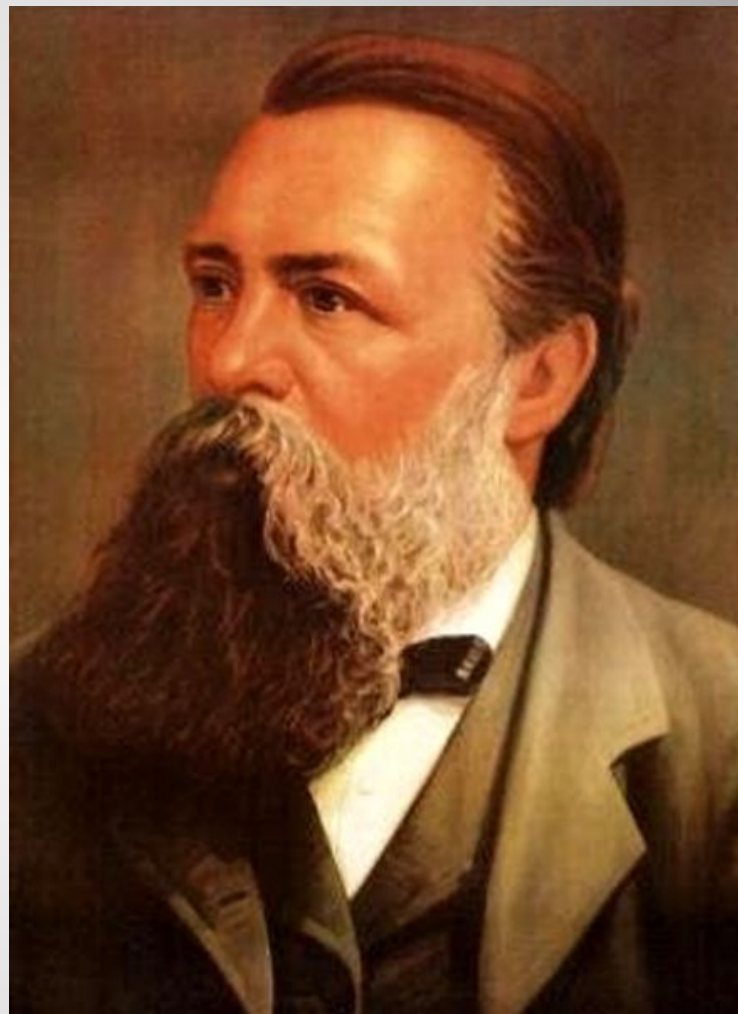
Атака на Ленина и ленинизм не сразу переросла в атаку на взгляды и деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, т.е. на марксизм. Впрочем, уже в самом начале 1990 г. в статье «Новые вехи» С. Чернышев писал: «Мы накануне суда над Марксом. ...Судебный процесс еще не начался, обвинение не предъявлено. Покуда Маркс всего лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение в классическом сталинском стиле исподволь готовится санкционировать расправу над своим былым кумиром. Естественно, аргументы по существу дела никого не интересуют»

Однако уже в середине 1990 г. и в 1991 г. в нашей печати появилось немало статей, в которых взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса подвергались самой решительной критике. Эта кампания носила все же не столь острый и массовый характер, как выступления против Ленина и ленинизма, хотя она и затронула все главные составные части марксизма.

Под сомнение ставилась философская концепция марксизма – материалистическая диалектика, а также важнейшие положения исторического материализма. Очень много критических замечаний высказывалось по поводу марксистской политической экономики. Однако острие критики было направлено против учения Маркса и Энгельса об исторической роли пролетариата, о диктатуре пролетариата и о социализме.

Журнал «Вопросы истории КПСС» открыл на своих страницах дискуссию «Нужен ли сегодня К. Маркс?». Журнал «Общественные науки» ввел с весны 1990 г. рубрику «Переживет ли марксизм перестройку?». В новосибирском журнале «ЭКО» заголовки были более определенными: «Снимем шляпу Маркса с нашей головы». Литературный критик Ю. Буртин и ректор Историко-архивного института Ю. Афанасьев называли марксизм «деспотической и антигуманной утопией». Ответственный работник ЦК КПСС и автор апологетических книг о социализме А.С. Ципко писал теперь о марксизме как об «изначально порочной» теории общественного развития, «порождении экспансионистской европейской культуры». Экономист Лариса Пяшева призывала советских теоретиков последовать примеру западных социал-демократов и «вырвать свой марксистский корень».

Очень трудно было найти в этой полемической кампании элементы научной дискуссии. Не та была атмосфера полемики, не те были цели, преследуемые нашими доморощенными антимарксистами. Как справедливо писали В. Выгодский и Н. Федоровский: «Дискуссия, развернувшаяся вокруг марксизма, выступает чаще всего в наши дни как фактор политической, а не научной жизни.

Политический же спор развивается по своим жестким правилам, многие из которых науке абсолютно противопоказаны. Особенно если он ведется в условиях низкой политической культуры, характерной для идейной борьбы, развернувшейся в нашей стране. В обстановке митинговой стихии, преобладающей как на улицах и площадях, так и на заседаниях представительных учреждений, при известной озлобленности и элементах массовой истерии, не только при неумении, но и нежелании слышать оппонента обоснованность научных доводов и добросовестность в их использовании часто теряют свою весомость и слабо воспринимаются аудиторией. На первый план выдвигаются не логика, а броскость и запоминаемость аргумента, их способность воздействовать не на разум, а на эмоции»

Но кто еще, кроме самой КПСС и ее идеологов, был повинен в той действительно очень низкой политической культуре и в той озлобленности, которые в 1988 – 1991 гг. демонстрировало наше общество. Приверженцы Маркса и Ленина предпочитали в эти годы просто молчать, а на критику пытались отвечать лишь приверженцы Сталина, хотя и их голос в защиту сталинизма звучал в годы перестройки не так уж громко. В любом случае можно было констатировать, что КПСС полностью проиграла развернувшийся в стране идеологический спор.

Это не я.
Она сама развалилась.

1) http://www.telenir.net/politika/sovetskii_soyuz_poslednie_gody_z_hizni_konec_sovetskoi_imperii/p3.php#metkadoc14

2) http://yandex.ru/images/#!/images/search?text=%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%20%D0%BA%D0%BF%D1%81%D1%81&uinfo=sw-1072-sh-603-ww-1047-wh-500-pd-1-wp-2x3_640x960

http://www.youtube.com/watch?v=6MkE0cis6yg&feature=player_embedded

**Работу выполнил
Филиппов Салелий
группа 2-А-1**